

----- -----

Поэзия Кайсына Кулиева – явление исключительное, непреходящее. Интерес к поэзии Кайсына Кулиева всегда был высок, и он с годами не уменьшается. «О поэзии его сказано многими, сказано хорошо и еще будет сказано, ибо она — явление, не ушедшее вместе с ним...» — верно заметила Наталья Капиева.

Бесспорно, поэзия Кайсына Кулиева — честная, мужественная и вдохновенная — достояние не только современности, но и будущего. Поэты такого масштаба рождаются редко, и приходят они в этот мир не только для того, чтобы явить миру свой поэтический дар, но и с особой миссией заступничества. За все время существования человечества еще никому не посчастливилось привести его к всеобщему благоденствию — все так же страдают люди, сталкиваясь с несправедливостью, жестокостью, с чудовищной неустроенностью жизни. Поэт не может оставаться безучастным и спокойным наблюдателем, ему хотелось бы утешить в горе каждого. И поэтому, не думая о себе, «...боль и радость ста тысяч судеб поднимая, как ношу на плечи», поэт облегчает своим словом их страдания, сопереживая, помогает выстоять в борьбе с ударами судьбы. В этом Кайсын Кулиев видел предназначение поэта, чувствующего все неладное в мире.

Все дороги, все тропы земли,
Что протоптаны кем-то и где-то,

Где б ни начались, где б ни легли,
Все прошли через сердце поэта...(1)

Долг поэта, остро чувствующего неблагополучие в мире, Кайсын Кулиев видел и в том, чтобы держать ответ за судьбу всего человечества, предвидеть опасность, чтобы предостеречь мир от легкомысленной недооценки тревожных явлений. Понимая, что «на свете еще достаточно врагов Разума и Справедливости», страстно желая людям счастливой, свободной и радостной жизни, он был в постоянной тревоге за их будущее. Это стало важнейшей, главенствующей темой его творчества.

Судьба, не разрушай того, что мило,
Все то, что преступленье разрушать.

Будь милосердна к людям, дай им силы
Поверить в разум твой и благодать.

Дай силу жить нам с верой непреклонной,
Что даль вдали воистину бела,
Чтобы, припав к земной груди зеленой,
Мы знали, что добро сильнее зла.

Что никогда пережитое горе
Не повторится вновь, что никогда
Продымленный твой хлеб не будет горек,
Что кровь не будет литься, как вода (2).

И кто знает — может быть, и в наше непростое, жестокое время люди прислушаются к словам поэта, навеянным ему свыше, тревога его сердца, бьющаяся в стихах, достучится до них, уберегая от опрометчивых действий, ибо человеческий разум должен быть превыше всего.

Впрочем, в жизни зло всегда соседствует с добром, горе сменяется радостью. Умея сострадать, Кайсын Кулиев именно радость дарил людям, увлекая их в прекрасный мир своей удивительной поэзии, уводя их от обыденности существования, от неизбежно присутствующих в жизни забот и треволнений. Он много писал о любви и верности, о радости бытия, о том, как прекрасна жизнь, — «...поэты-жизнелюбы, их удел жизнь воспевать, любовь и землю эту». В его поэзии много света и тепла, она полна жизнеутверждающей силы, и что самое главное — воли к жизни.

И солнце жизни светит,
И мир несокрушим.
Все вынесем на свете! —
Мне слышится с вершин (3).

Больших поэтов неизменно отличает мудрость, прозорливость, знание жизни. Одним своим существованием они вносят гармонию в этот мир, благотворно воздействуя на многие умы и оказывая огромное влияние на все стороны жизни. Кайсын Кулиев в своем поэтическом диалоге с людьми никогда никого не поучал, он просто призывал жить законами правды и добра, вел доверительный разговор со своим читателем о том, чему поклонялся всю жизнь, — о мужестве, чести и достоинстве, о терпимости и великодушии, о торжестве добра над злом, о любви к родной земле и ко всем живущим

на этой земле.

Хочу я, чтоб в мой стих входили люди
С улыбкой доброй, словно в новый дом,
Чтоб им в строке дышалось полной грудью,
Как в светлом доме ясным летним днём (4).

Поэзия Кайсына Кулиева, такая близкая и понятная всем, согревала и трогала сердца людей, и они платили ему ответной любовью.

Я жил среди людей, и час моей печали
Сердечностью своей они мне облегчали.
Они зажгут очаг, они мне слово скажут,
И пожелают благ, и раны перевяжут.

Я тоже, как смогу, быть может, добрым взглядом
Иль делом помогу вам, кто со мною рядом (5).

У поэта особый взгляд на мир. Все обыденное, мимо чего равнодушно скользит наш взгляд, он превращает в поэзию. Это становится интересным именно потому, что об этом заговорил поэт. «Поэзия всюду — в облаках над Казбеком и в огороде моей матери, где желтел подсолнух и росла морковь. Она многолика, как мир, и прекрасна, как земля», — писал Кайсын Кулиев.

Поэт был предельно искренен в своем творчестве и необычайно требователен к себе. Поэзия была для него мерилom всего высокого и бессмертного:

Я перестал бы верить в жизнь, наверно,
Когда бы сомневался иногда,
Что правда и поэзия бессмертны, — И эта вера — хлеб мой и вода (6).

Эту веру Кайсын Кулиев пронес через всю свою жизнь. Тонкий лирик, непревзойденный мастер стиха, он оставил нам множество строк, достойных восхищения. Широко известны и любимы его стихи: «Реквием», «Терпенье», «Был пахарем, солдатом и поэтом», «Монолог», «Музыка», «Играют Шопена», «Пусть никогда не умирают дети», «Дон-Кихот», «Черный конь умирает на белом снегу», «Как хорошо проснуться на рас-свете...», «Женщина купается в реке», «Клинок и роза», «Все еще впереди» и многие другие.

Кайсын Кулиев видел и воспринимал мир по-своему и говорил, и писал об этом по-своему. Его стихи удивительны по своей лиричности, выразительности, неповторимой поэтической образности.

Шел снег. И при медленном снеге,
При стуже с небес и земли,
Чем глубже я спал, тем краснее
Тюльпаны Чегема цвели.

Шел снег. Но душа ночевала
Вдали от его белизны.
Шел снег. Зеленела чинара,
Как зелены зимние сны!..(7)

Чтобы поэзия могла претендовать на всеобщее признание, была подлинной, недос-таточно иметь мощный, яркий поэтический дар, важно, чтобы поэт сам соответствовал тому, о чем пишет. «Если поэт будет писать о добре, а сам недоброжелателен к людям, если он будет писать о любви к ближнему, а сам человеконенавистник, то не будет никакой поэзии. Будет фальшь. Вот это соответствие личности поэта и его поэтического дарования и рождает настоящие поэтические строки», — писал Кайсын Кулиев. Правоту этих слов подтверждает само творчество Кайсына Кулиева, имя которого — среди лучших поэтов современности. Только такая правдивая, верная жизни поэзия проходит испытание временем, которое судит беспристрастно и беспощадно.

Поэзия Кайсына Кулиева, освещенная его личностью — яркой, цельной, вдохно-венной, — пример служения литературе, людям. Поэт всегда оставался верным правде и назначению поэзии, о которой им написаны такие необыкновенной силы, выразительности и глубины строки:

Поэзия жива
Надеждой и любовью.
Поэзия — слова,
Но смешанные с кровью.

Поэзия чужда
И позы и притворства,
Хоть это иногда
И терпит стихотворство.

Когда в строках река,
Она мосты срывает,
А если облака,
В них молния сверкает.

И подлинный поэт,
Когда стихи слагает,
Рождается на свет
И умирает (8).

Путь истинного поэта всегда трагичен. Кайсыну Кулиеву пришлось пройти через тяжелейшие испытания, беды и разочарования. Жизнь не стремилась уберечь его от них. Будто провидение, забыв о божественной искре, сделавшей его поэтом, бросило его в дальнейшем на произвол судьбы. Пережив все ужасы беспощадной, бес-человечной войны, боль потерь, ранения, выписавшись из госпиталя, вернулся домой, но оказалось — на пепелище:

Но матери, что так была нужна мне,
Я дома не нашел. Огонь погас
В отцовском очаге. Я сел на камни
Немые и заплакал. Был приказ, —

Нет матери, соседей нет в селенье,
Вдали, в степях, мне близкие сердца,
И я себе казался в то мгновенье
Надгробьем над могилою отца...(9)

В ссылке, «вдали, в степях», оказалась и его семья. Я помню громкий стук ночью, заплаканное лицо мамы, двух солдат-конвоиров, которые, сжавшись над нами, несли на своих винтовках, зловеще поблескивавших от света уличных фонарей холодом металла, наши пожитки. На мой вопрос, куда мы едем, мама ответила: «К папе», что было для меня великой радостью. Если бы не эта ложь во спасение, вряд ли я — маленький ребенок — смогла бы вынести этот далекий, долгий и страшный путь в ссылку в переполненном людьми и наглухо закрытом товарном вагоне, сквозь щели которого пробивалось такое желанное, но недоступное солнце. Я думаю, что это радостное ожидание встречи с отцом хранило меня от гибели.

Благодаря ходатайству Николая Тихонова Кайсыну Кулиеву было разрешено не отправляться в ссылку и жить где угодно, кроме Москвы и Ленинграда. Но поэт отказался от этого и поехал вслед за своим народом, в полной мере познав, как «горек хлеб изгнания и круты чужие лестницы»*.

Много лет спустя, после возвращения на родину, вспоминая об этом, он говорил мне: «Как хорошо, что я тогда твердо решил ехать в ссылку, а то, как бы я теперь смотрел в глаза людям, как бы оправдался перед своим народом».

В одной из записных книжек Кайсына Кулиева есть такая, близкая к афоризму фраза — от сердца подлинного поэта к сердцу народа — очень короткий путь. Всею своей жизнью и творчеством Кайсын Кулиев заслужил право говорить от имени своего народа, взамен получая его признание, понимание и поддержку.

С тобою, мой народ, должник твой вечный.
Ни дня я в жизни не был одинок
И сотворил за век свой быстротечный
Хоть и немного, но все, что мог (11).

Кайсын Кулиев вынес и разделил со своим народом все, что выпало на его нелегкую долю. И многострадальный народ — истинный герой его поэзии — хоть и немногочислен, но велик, потому что поднялся после бесчеловечного, губительного для него изгнания с родной земли. Любовь Кайсына Кулиева к своему народу не была показной. Люди это чувствовали, и поэтому он был так любим и почитаем в народе. Мало сказать, что его любили, он был окружен всенародной любовью, его узнавали при

встрече, а творческие вечера поэта собирали огромное число любителей поэзии. По мнению многих, Кайсын Кулиев был как бы воплощением своего народа, который теперь чувствует себя без него осиротевшим.

Пройдя через тяжкие испытания, выстрадав свою судьбу, Кайсын Кулиев всегда оставался достойным жизни. У него не только хватило мужества, терпения и силы духа, чтобы подняться над пережитым и выстоять в тяжелейших жизненных обстоятельствах, ему удалось еще и сохранить оптимизм, открытость и доброжелательность к людям, непосредственность восприятия мира:

Я был бездомным, изнывал в беде,
Дни черные, как черных птиц, считая,
Но радовался все же и тогда я
Вину и хлебу, песне и звезде.

И в черный день светлела вдруг душа,
Когда я видел, как бело от снега,
Как чист родник, искрящийся от бега,
И как чиста улыбка малыша!..(12)

Жизнь поэта, помимо его творчества, представляет интерес еще и потому, что ему небезразлична судьба других людей. К Кайсыну Кулиеву обращались за помощью многие из попавших в беду, к нему приходили, как к последней надежде, и он, как мог, помогал всем.

Сколько слов признательности было в его огромной читательской почте. Он старался не оставить без внимания ни одного письма, из каких бы мест — от Камчатки до Прибалтики, или из-за рубежа — оно ни пришло. Ему писали письма, исполненные любви и благодарности, и вполне благополучные люди, и те, с кем жизнь обошлась жестоко. В поэзии Кайсына Кулиева они находили то, что было созвучно их душевному состоянию, их собственному мироощущению. Такое взаимопонимание Кайсын Кулиев считал правомерным, очень важным: «Поэт должен согреваться у очага простых людей и согревать их в свою очередь огнем своей поэзии».

Кайсын Кулиев говорил, что талант нельзя заменить ничем — ни мудростью, ни образованием, хотя они, наверное, очень полезны таланту и являются подспорьем для него. Но только талант «дает право носить поэту его прекрасное от века звание».

В то же время одного таланта, дарованного природой и судьбой, недостаточно для того, чтобы творчество поэта стало значительным явлением в литературе. Только счастливое сочетание таланта и кропотливого, постоянного труда приводит к успеху и признанию. При отсутствии трудолюбия талант может превратиться в ничто. К. Кулиев всю жизнь был тружеником. «Я очень рад, — писал он, — что с детства не знал праздности, этого отвратительного уродства, коверкающего людей».

Лямку я тянул, я спину гнул,
Не жалел ни сил своих, ни пота,
Я работал, терпелив, как мул,
Весел, словно ласточка, работал (13).

И в ссылке в Средней Азии Кайсын Кулиев не переставал писать, не сетовал на судьбу, на трагические обстоятельства, а работал. При атмосфере жизненной несвободы поэт сумел сохранить удивительную внутреннюю свободу, которую он привнес и в свое творчество. И когда балкарский народ был возвращен на родную землю, К. Кулиев, по его словам, положил на стол в издательстве большой готовый том стихотворений. Этот том составил сборник стихов «Горы», сразу же, в 1957 году, вышедший в издательстве «Советский писатель».

Известно, что не всегда талант и личность совпадают в реальной жизни. Кайсына Кулиева природа щедро наделила не только ярким поэтическим дарованием, но и талантом быть личностью. Это признавали даже его недруги и, естественно, простить ему этого не могли. Не считаясь ни с чем, они старались запятнать его репутацию, принизить его творчество. В этом нет ничего удивительного — ни один талант не защищен от зависти воинствующих невежд — любителей пасквилей и доносов. Но Кайсын Кулиев относился к этому, как к неизбежному злу:

Врагов не следует стыдиться
И опускать в бессилье рук.
Всегда, чем голосистой птица,
Тем больше хищников вокруг (14).

Но поэт никогда не опускался до мести своим недоброжелателям, считая это

недостойным для себя. Мало того, он никогда не отказывал им в их просьбах о помощи, проявляя снисходительность и великодушие, что свойственно лишь большим поэтам. Сам К. Кулиев в воспоминаниях об А. Т. Твардовском писал: «Мне кажется, что у большого художника обязательно должен быть большой характер».

Размышляя о психологии творчества, достоинстве художника, о поэте-личности, Кулиев отмечал, что личностное начало определяет многое в художнике, в его творческой судьбе, решает, Может быть, все: «Об этом говорят опыт и история мирового искусства. Вспомним Сервантеса, Бетховена, Пушкина, Гёте, Лермонтова, Рембрандта, Мицкевича, Льва Толстого. Их много, ставших образцами и учителями мужества, человечности, совестливости. Они были могучими художниками, стойкими борцами, умевшими смело вступить в бой за человека, за его свободу и радость, за народы и их права». Кайсын Кулиев — из когорты таких художников. Он жил и творил для людей. Его творчество — это «...тот вечный мост между прошлым и грядущим, который не смогут снести потоки времени».

Может быть, самыми привлекательными чертами К. Кулиева являлись широта и открытость, обаяние его личности было огромным. Где бы он ни появлялся, все устремлялось к нему. Люди тянулись к нему, как будто чувствовали исходящую от него таинственную и притягательную силу. Он обладал бесценным даром быть преданным и верным в дружбе до конца. Сам поэт по этому поводу писал: «Одним из благ, отпущенных мне жизнью, большой моей радостью остается то, что у меня много друзей среди талантливейших сынов нашей необъятной Родины. Их дружба — мое неисчерпаемое богатство... Я понимаю, почему умнейший Пушкин написал много стихов своим друзьям. Мы тоже знали радость дружеского общения, откровенных бесед и звучания новых стихов... Многим я обязан моим друзьям. Уже одного доброго отношения таких выдающихся деятелей культуры нашего времени, как Мартирос Сарьян, Александр Твардовский, Георгий Леонидзе, Симон Чиковани, было бы достаточно, чтобы считать себя счастливейшим человеком, баловнем жизни».

В Кайсыне Кулиеве подкупало совершенное отсутствие тщеславия, удивительная простота, высокая духовность. Он никогда не требовал для себя особых привилегий и почестей. Он никому не завидовал, не боялся соперничества, считая, что это — удел бесчестных людей. Борис Пастернак был убежден, что шекспировский Яго так бесчестен и завистлив потому, что бездарен. К. Кулиев, разделяя это мнение, писал: «...мы должны иметь возле себя только достойных друзей-поэтов и не бояться того, что они нас могут опередить. Пушкина радовала каждая хорошая строка у любого из собратьев. Найдя какую-нибудь замечательную строчку, он выводил на полях книги свое любимое слово «прелесть». Это щедрость гения...»

Радует то, что творчество Кайсына Кулиева не забывается его собратьями по перу, его имя не замалчивается. И это правомерно, ибо большие поэты не принижают, а

поднимают всех на ту высоту, на которой они находились сами.

Кайсын Кулиев не раз повторял, что мудр лишь тот, кто умеет учиться у всего сущего на земле, что преемственность в литературе необходима. «Чтобы найти свое место в литературе, — писал он, — вовсе нет необходимости отказываться от сделанного другими, теми мастерами, которые работали раньше тебя. Поэзия не ханский трон и не чиновничье кресло, не должность. Надо найти свое решение жизненных вопросов, свои мысли и краски, свою образность. Тогда непременно найдешь свое место в литературе». Но истинной поэзии без индивидуальности быть не может. Любой из значительных художников «выражает свою эпоху, ее чаяния, стремления, радости и боль, свет и тень, противоречия и трагедию, но выражает все это своими способами и средствами». Этим каждый и интересен. Подражание губительно для поэзии. Если нет индивидуальных черт, значит нет и художника. Поэзия Кайсына Кулиева — яркая и самобытная — лишена всякого подражательства, слепого копирования чужих, хотя бы и интересных, находок. По мнению Кайсына Кулиева талант не может быть эпигоном, на то он и талант:

Шагай, о стих мой, будь самим собой
И не перенимай чужой походки (15).

Кайсына Кулиева в число известных и любимых поэтов выдвинуло и то, что его поэзия перешагнула барьеры национальных рамок. Общеизвестно высказывание на этот счет поэта Арсения Тарковского: «Я искал то... что является местным, ограниченным, что мы принимаем за местный колорит. Этого я не нашел... Потому что стихи Кайсына Кулиева — это настоящая поэзия... Кайсын Кулиев — поэт маленького народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии... Кайсын Кулиев в своих стихах говорит от лица своего народа, но он — поэт всего мира. Вот что потрясает в его стихах».

Без имени Кайсына Кулиева немыслима не только наша отечественная литература, но и мировая поэзия. Его стихи переведены на многие языки Запада и Востока, они издавались в Монголии, Франции, Германии, Югославии, Польше, Англии, Индии, Японии, Чехословакии и других странах. Так его поэзия пришла ко многим народам, стала понятна и близка всем. Где бы он ни был, его везде принимали восторженно и как поэта, и как необыкновенно интересного собеседника и человека. Вот что писали о нем во Франции: «Творчество Кайсына Кулиева — это шедевр мировой культуры. Он стоит в одном ряду с гениальными поэтами мира — Данте Алигьери, Байроном, Пушкиным, Мицкевичем, Лоркой. Кулиев не просто поэт. Он больше чем поэт. Кайсын Кулиев поэт в философии и философ в поэзии». Пусть не покажутся кому-то эти слова

преувеличением. Существует множество примеров, когда мастер удостаивается наивысшей оценки не в своей стране, а за ее пределами, и это, увы, нередко заставляет вспоминать известную истину о том, что нет пророка в своем отечестве.

Кайсын Кулиев именно потому, что сам — поэт божьей милостью, был щедр в оценке собратьев по творчеству. Он обладал даром распознавать талант. Для него было важно поддержать талант, поэтому он не скупился на похвалу молодым, начинающим поэтам и во всем им помогал.

Кайсын Кулиев, как человек большой культуры, был широко образован, он считал, что поэт не может не интересоваться живописью, музыкой, театром — всеми вопросами художественного творчества: «Какая радость открыть для себя любого из замечательных художников. Вдруг ты впервые узнаешь Рембрандта или Шуберта, Ван-Гога или Лорку, Сезанна или Скрябина, Матисса или Равеля! Какой это праздник каждый раз». Он много писал о вопросах творчества, о месте художника в жизни, о его предназначении, показав себя блестящим публицистом — тонким, талантливым и проницательным исследователем литературы и искусства. Достаточно вспомнить, как глубоко и точно оценивал он своих современников и великих предшественников. По словам Семена Липкина, мало кто, как К. Кулиев, мог писать «с такой свободой, пылкостью и первоприродным чувством русской речи». Размышления Кайсына Кулиева о мастерах литературы и искусства прошлого и настоящего составили книгу его яркой публицистики «Так растет и дерево». Эта замечательная книга мудрого и тонкого мастера освещена светом его ума и удивительным обаянием его личности.

Однако, говоря о творчестве и личностных качествах Кайсына Кулиева, меньше всего хотелось бы делать из него икону, утверждать, что он во всем был непогрешим. Как и все, он не был лишен людских слабостей и заблуждений, ничто человеческое ему не было чуждо:

Нет, я не утверждал, что святые все подряд,
Но камня не бросал и в тех, кто виноват.
Кем человеческий грех определен и взвешен?
И кто достойней всех, и кто совсем безгрешен?
Пусть я не всех грешней, мне свойственны отчасти
Изъяны всех людей, достоинства и страсти (1б).

От допущенных ошибок поэт страдал лишь сам, но никогда и никому он не причинил зла сознательно, преднамеренно. Если он невольно и нарушал, как это свойственно большим

поэтам, какие-то устои в жизни, то только не в поэзии, не в творчестве.

К сожалению, во все времена не принималось во внимание то, что поэты — в силу своей избранности — имеют право на ошибку, заслуживают снисхождения, а не травли.

Всею своей жизнью и честнейшим служением народу и литературе Кайсын Кулиев заслужил благодарную память потомков. След его жизни в литературе неизгладим, его поэзии уготована долгая жизнь, потому что к ней применимы слова самого Кайсына Кулиева, считавшего, что «долговечны только те произведения, которые обращены к разуму и справедливости, к человечности и свободе, произведения, в которых рдеют и раны и розы земли, те произведения, которые славят доблесть и человечность».

* * *

Чтобы лучше понять поэта, надо побывать на его родине, говорил Гёте. Жизненный путь Кайсына Кулиева начался в высокогорном ауле Верхний Чегем, а последним его пристанищем стал Чегем 1. Сакля, в которой он появился на свет, до сих пор стоит, безмолвно свидетельствуя об этом. При виде ее испытываешь ощущение, трудно передаваемое словами, оно за гранью реального. Всякий раз возникает чувство сопричастности к какому-то таинству, которое усиливается взметнувшимися ввысь исполинами — мощными громадами скал.

Я родился в ущелье Чегем
Средь высоких обветренных скал,
Выл моей колыбелью Чегем...(17)

Воспоминания о далеком прошлом хранит и маленький дворик с его каким-то особым микроклиматом:

Зимою дворик матери моей
Был бел от снега, летом — желт от света.
Синело небо. Рос подсолнух. Дней.

Я не считал. Я думал, вечно это...(18)

И кажется, будто его мама — тихая, добрая и нежно любящая — незримо присутствует здесь.

О родном Чегеме, о своих первых детских впечатлениях К. Кулиев вспоминал: «Там остались мои первые радости и первые горести... первые услышанные слова и песни, сказки, легенды, мои. первые деревья, и первая трава, мой первый хлеб и вода, первые слова матери и первая ее улыбка...»

Вряд ли кто-либо мог тогда предположить, что в мир пришел поэт, поэзия которого не только умножит славу его народа, но и приобретет всемирное признание.

Родная земля питала поэзию К. Кулиева. Бессмертные, исполненные мудрости творения безымянных народных мастеров, их «чистота, незатейливость и безыскусность», приводили его в восхищение. Это об этих мастерах он писал — «их бешметы были в заплатах, но в душе сияли звезды».

Фольклор, замечательная народная лирика — это бесценное богатство народа и неиссякаемый источник вдохновения для поэта. Кайсын Кулиев знал множество легенд, народных песен и сказок. Как-то, говоря о том, как прекрасно все, что создано народом, он вспомнил один из тостов, тут же сделал подстрочный перевод и: подарил мне. Я сохранила этот листок и привожу этот автограф:

Из балкарского народного тоста

Пусть у нас будет так много изобилия,
Как звезды над нашими горами,
Как деревья в наших лесах,
Как холмы на солнечных склонах,
Как табуны на высоких пастбищах,
Пусть наши сыновья растут храбрецами,
Грудью встающими против лавин.
Пусть у нас будет много счастья
Как воды всех морей,
Как олени всех лесов,
Как росы всех летних рассветов,
Как птицы над всей землей.

19 октября 1983 г.

К. Кулиев

Кайсын Кулиев с бесконечной любовью относился к родному языку. Я помню, как в детстве он рассказывал мне сказки на балкарском языке, который я знала плохо. Я слушала, как зачарованная, несмотря на то, что не все понимала. Так действовали на меня его удивительный голос и волшебное звучание родной речи. Все сказки, как правило, начинались с напевного: эрте-эрте-эрте...— давным-давным-давно...(19) Давно прошло мое детство, но память сохранила это передавшееся мне от отца ощущение счастья — говорить на своем родном языке.

Когда я слушаю слова родимой речи,
Я вижу тех, кто пал, но кто свободу спас.
Я вижу храбрецов, чье слово в жаркой сече
Горело, словно кровь, как день в закатный час...

Не этот ли язык звенел над колыбелью?
Не он ли хлеб растил с упорством и трудом?
Не он ли горевал? Не он ли звал к веселью
И «мир вам» говорил, вступая в каждый дом?

Он молоком блеснет, теплом тебя согреет,
Когда произнесешь на нем ты слово «мать»,
А скажешь «яблоко» — все расцветет, созреет,
А скажешь «небосвод» — весь мир начнет сиять (20) .

Не раз обращаясь к теме любви к родному краю, к «го людям, Кайсын Кулиев завещал своим сыновьям свято относиться к родной земле, быть чуткими к ее простым труженикам. Об этом мудрые и пронзительные строки стихотворения «Моим сыновьям»:

...Я вам, сыны мои, балкарцы родом,
Дал имена крестьян, и вы должны
Чтить нашу землю, хлеб ее и воду,

Как пахари, ашуги, чабаны...

Не оставляйте слабых без участия,
На чьем-то горе свой не стройте дом.
Пусть жизнь обережет вас от несчастья
Соседу или брату быть врагом...

Нет счастья там, где в сердце злобу носят,
Тот, кто не дарит радость, сам не рад.
А в ваших именах — шуршание колосьев,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат? (21)

На Кавказе говорят — велик поэт, умноживший славу своего великого народа, но вдвойне велик поэт, прославивший свой маленький народ. Благодаря Кайсыну Кулиеву имя его родного народа стало известно всему миру. Его стихи стали достоянием всех читающих людей. «Слово твое идет по миру и учит мир радости» — эти слова Михаила Дудина о поэзии мужества, любви и жизнелюбия, которую Кайсын Кулиев оставил людям, вселяют надежду, что мир дарует такой поэзии бессмертие.

* * *

За спиной дорога распласталась,
На дороге мой приметен след,
В этом мире есть и смерть, и старость,
И беда, от них спасенья нет...(22)

К несчастью, в этой жизни можно победить все, но не смерть. 4 июня 1985 года Кайсына Кулиева не стало.

Было невыносимо тяжело от сознания неотвратимости утраты, от чувства бессилия перед судьбой, распорядившейся так жестоко и несправедливо.

О Черный камень, над стезей неторной,
Ты смерть моя! Когда не ожидаешь
Обвала твоего, лавиной горной
Ты рухнешь с кручи и меня раздавишь.
О Черный камень, Черный камень, Черный!.. (23)

Сбывшееся пророчество. Болезнь — неожиданная, неотвратимая, как обвал, — и роковое стечение жизненных обстоятельств привели его к гибели. Горько и печально то, что мы его не уберегли, не смогли распознать, какая страшная опасность его подстерегает. Но, как сказал Пушкин: «И от судеб защиты нет». Мужество, с которым Кайсын Кулиев относился к жизни, и перед лицом вечности его не оставило, он, как и жил, уходил достойно.

Превозмогая нечеловеческие страдания, он говорил о том, как много неосуществленных замыслов у него осталось. Больше всего сожалел о том, что не сможет больше писать. «Теперь, — говорил он, — когда мне многое открылось, когда я по-новому все осознал и понял в этой жизни, я мог бы сделать неисчислимо больше и много лучше...» Но не суждено было.

Об этом и строки Алима Кешокова:

Я слышу слово, на котором
Внезапно песнь оборвалась (24).

Хоронили Кайсына Кулиева 6 июня — в день рождения Пушкина. Так совпало. Шел дождь. Плакали люди, плакало небо. Нескончаемый людской поток свидетельствовал о всеобщей скорби, о всенародной любви к нему. Согласно завещанию, его опустили в землю в саду его дома, где он жил и умер. Он просил не хоронить его на кладбище: «Никаких кладбищ! Я хочу лежать под своими деревьями». Теперь над ним шумит листва дорогих его сердцу деревьев, к которым у него было особое, близкое к поклонению, отношение: «Если бы я верил в переселение душ, я хотел бы в своей следующей жизни быть деревом. Дарить тень путнику, плоды страждущему, укрывать своими ветвями от бури. Выстоять, выдержать и жить дальше — в развеянных по земле семенах...»

А в доме — музей поэта. Он хотел, чтобы в нем все оставалось, как прежде, как при его жизни. И это понятно, ибо поэт предельно выражается в своем жилище, в котором все как бы одухотворено им. Кайсын Кулиев хотел, чтобы в доме хранились его рукописи, вещи, архив. «Как у Исаакяна» — так он сказал, имея в виду Дом-музей армянского поэта Аветика Исаакяна. Но так, как он хотел, не получилось. Обстоятельства оказались сильнее воли и желания поэта.

Но музей существует, он не стал мертвым и брошенным. Люди, которым поэт отдавал свою любовь, свой талант, его не забывают, они приносят на его могилу цветы. Там часто слышны детские голоса. Это радует, ведь Кайсын Кулиев относился к детям с нежной любовью. Он считал, что дети — украшение жизни, что «в них наше счастье и наше бессмертие».

Уже 26 лет нет с нами Кайсына Кулиева, прервалась его земная жизнь. Но есть иной мир, над которым не властна смерть. Это — мир его прекрасной поэзии, живущей во времени.

Жанна Кулиева, кандидат филологических наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Все дороги, все тропы земли...» / Пер. Н. Гребнев // Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1976—1977. Т. 2. С. 35.
2. Монолог / Пер. Н. Гребнев // Там же. Т. 2. С. 354.
3. Чегемец / Пер. М. Дудин//Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 13.
4. «Хочу я, чтоб в мой стих входили люди...»/Пер. Д. Голубков//Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. 1976—1977. Т. 1. С. 339.
5. «Я жил среди людей, и час моей печали...» / Пер. Н Гребнев // Там же. Т. 3. С. 424.
6. Мой хлеб и вода / Пер. Н. Гребнев // Там же. Т. 2. С. 180.
7. Сон зимнею ночью / Пер. Б. Ахмадулина // Там же. Т. 3. С. 82.
8. «Поэзия, живи...» / Пер. Н. Гребнев // Там же. Т. 3. С. 361.
9. Воспоминания / Пер. С. Липкин//Там же. Т. 2. С. 21.
10. Н. С. Тихонов (1905—1979) — поэт, общественный деятель, дважды Герой Социалистического Труда (1975, 1982), лауреат Государственной премии СССР (1943, 1951).
11. «Каким бы малым ни был мой народ...» / Пер. Н. Гребнев// Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1976—1977. Т. 3. С. 362.
12. Я был бездомным / Пер. Л. Шерешевский//Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 101.
13. «Лямку я тянул, я спину гнул...» / Пер. Н. Гребнев//Кулиев. К. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1976—1977. Т. 2. С. 217.
14. Стихи о врагах / Пер. Н. Гребнев // Там же. С. 472.

15. «По-разному идут круги в воде...» / Пер. Гребнев//Там же. С. 36.
16. «Нет, я не утверждал, что святы все подряд...» /Пер. Н.Гребнев // Там же. Т. 3. С. 425.
17. Перед боем / Пер. В. Звягинцева // Там же. Т. 1. С. 89.
18. Дворик моей матери / Пер. В. Ахмадулина // Там же. Т. 3. С. 81.
19. Зачин в балкарских сказках.
20. Ученому языковеду / Пер. С. Липкин // Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1976—1977. Т. 2. С. 47—48.
21. Моим сыновьям / Пер. Н. Гребнев // Там же. С. 281.
22. Это так / Пер. Н. Гребнев // Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. С. 194.
23. «О Черный камень, над стезей неторной...» / Пер. О. Чухонцев//Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. 1976—1977. Т. 3. С. 51.
24. Кешоков Алим. Чегемскому водопаду // Остаться в памяти людской... Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 16.

